

Мар 47 уровня: в мире мёртвых

18+

Шурка Орлов

Шурка Орлов

Маг 47 уровня: в мире мертвых

<https://litres.ru/73583998>

SelfPub; 2026

Аннотация

Велесова ночь на пороге — граница между мирами рушится. Маг 47-го уровня и его спутница отправляются в мир мёртвых, где магия бессильна, а злоба становится оружием. Их ждут Змей Горыныч у Смородиной реки, черти с вилами, шоссе среди болот и древние тайны, способные изменить всё. Смогут ли они найти дорогу назад — или останутся в царстве тьмы навсегда?

Содержание

Глава 1	4
1	4
2	7
3	11
4	14
5	19
Глава2	21
1	21
2	25
3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Шурка Орлов

Маг 47 уровня: в мире мертвых

Глава 1

1

Я проснулся. Помылся. Пожарил яичницу с беконом — золотистую, с хрустящими краешками. Выпил пару чашек кофе: первую — медленно, смакуя аромат, вторую — чуть поспешнее, чувствуя, как постепенно оживает сознание. Без этих чашек утро не утро, душа не раскрывается.

Тишину октябрьского утра разорвал пронзительный писк телефона. Я вздрогнул, поставил чашку на стол и потянулся к аппарату. На экране — «Иван-царевич».

«Ну вот, опять... — мысленно вздохнул я. — Он будто никогда не спит. А я пока кофе не выпью — не чувствую себя человеком».

С трудом преодолевая раздражение, взял трубку, нажал на кнопку:

— Слушаю? Что случилось? — произнёс я через силу.

В ответ — бодрый, как утренний рог, голос Ивана-царевича:

— Приближается Велесова ночь!

— Какая-какая ночь? — перебил я.

— Да дослушай! Велесова. Ирландцы в эту ночь празднуют Хэллоуин — по сути, то же самое. В Велесову ночь границы между миром мёртвых и нашим миром истончаются. Но сейчас уже происходят странности: кто-то выпускает нечисть из мира мертвых раньше срока. Боюсь, на Велесову ночь кто-то задумал нечто страшное.

— А я-то тут при чём? — отозвался я. — Мне бы с живыми разобраться, а тут ещё мёртвые...

— Если выберутся тёмные... из Нави и Яви не будет... — задумчиво проговорил Иван-царевич по телефону, словно взвешивая в уме тяжёлые, мрачные слова.

— Не грузи, дай мне подумать, — оборвал его я.

— Хорошо. Вечером созвонимся, — ответил он и положил трубку.

Я сидели в тишине, лишь изредка нарушаемой гудением кофемашины. Я потягивал кофе и смотрел в окно. За последние полгода я уже привык к чудесам — но каждый раз они были разными. Ни один день не походил на предыдущий.

Я отставил чашку. В голове крутились мысли, одна тревожнее другой. В мире людей, как ни странно, самая сильная магия — бутылка водки. Говорят, если купить её в четверг,

то четверг легко превратится в пятницу. А если две — можно улететь далеко-далеко... А может, и в мир мёртвых.

В волшебном мире множество разных чар. И вот я создал своё заклинание. Говорят, оно невероятно сильное — до меня такого никто не использовал. Про себя я назвал его «посылательным». Произносишь вслух: «Да пошли вы...» — и враги ничего не могут противопоставить. Все их чары рассыпаются в прах перед этой простой, но сокрушительной магией.

Через час я уже был у Маши. По пути заскочил в магазин и купил шоколадный торт.

Маша встретила меня у двери, от неё приятно пахло свежесваренным кофе — терпким и очень крепким. Мы расположились за столом, разложили перед собой старинные магические книги в потрёпанных переплётах. Пожелтевшие страницы шелестели под пальцами, источая едва уловимый запах пыли и времени.

— Где ты взяла магические книги? — спросил я.

— В библиотеке. В Смольной, — добавила она так, будто это всё объясняло.

— И там... такие книги?

— Там есть всё, что нужно. И даже то, о чём лучше не знать.

Её взгляд на мгновение стал отстранённым. Я понял, что вопросов больше задавать не стоит.

В поисках разгадки мы методично изучали оглавления, выхватывая заветные ключевые слова: «мир мёртвых», «пограничные сферы», «заклинания перехода». Шаг за шагом погружались в текст — вчитывались в архаичные строки, расшифровывали загадочные схемы, искали логику в древних описаниях, словно пытались прочесть послание, зашифрованное временем.

Парадокс заключался в том, что мир мёртвых был нам одновременно знаком и незнаком. Мы имели о нём смутное, обрывочное представление — словно видели его отражение в мутной воде: очертания угадывались, но детали расплывались. Мы понимали, что он где-то рядом, за тонкой завесой, но не знали ни правил поведения в нём, ни границ дозволенного.

Знания не проясняли картину — напротив, каждый найденный фрагмент лишь множил вопросы, затягивая в замкнутый круг поиска. Чем глубже мы погружались, тем отчетливее осознавали: древние тексты не дают готовых ответов. Они лишь приоткрывают дверь — и оставляют нас стоять на пороге, в полумраке, с тысячей новых загадок в душе.

Я перевернул очередную страницу и устало провёл рукой по лицу.

— Кажется, мы только больше запутались, — пробормотал я, глядя на хаотично разбросанные по столу выписки и наброски.

Маша отложила книгу и поднесла к губам чашку с кофе. В глазах её читалась напряжённая работа мысли.

— Да, — наконец произнесла она. — Но это значит лишь то, что нам нужно искать в другом направлении. Где-то ведь должны быть ответы...

— Но чем дальше мы ищем, тем меньше что-то понимаем... — задумчиво добавил я. — Может, стоит отложить книги — и ответы придут сами собой?

— Возможно, — пожала плечами Маша, отломив ложечкой кусочек торта и отправив его в рот. — Иногда, когда перестаёшь за ними гоняться, они вдруг всплывают в голове — просто так, из ниоткуда.

Я откинулся на спинку стула и усмехнулся:

— Звучит как магия. Но признаю, мои мозги уже кипят от всех этих древних текстов. Пару часов отдыха точно не повредят.

Маша улыбнулась, пододвинула ко мне тарелку с тортом и сказала:

— Вот и отлично. Сначала десерт, потом — новые идеи. А может, и ответы.

Но времени на дальнейшие размышления уже не оставалось — нужно было действовать.

Скоро должен был позвонить Иван-царевич, и я обязан был ответить ему: «Да, я иду». Однако меня не покидала мысль: почему он не позвонил Маше? Может, хочет отправить меня в мир мёртвых в одиночку?

Я покосился на Машу — она неторопливо помешивала чай ложечкой, будто вовсе не волновалась из-за предстоящего звонка. Перед ней на блюде лежал недоеденный кусочек торта, а рядом — раскрытая книга.

«А может, всё проще? — мелькнуло у меня в голове. — Может, Иван-царевич и не собирается никого разделять? Для него мы уже команда — единое целое. Он уверен: если позовет одного, второй пойдёт следом без лишних слов».

Я чуть расслабился, осознавая эту мысль. Да, скорее всего, так и есть. Зачем звонить дважды, если и так ясно: мы пойдём только вместе.

Из размышлений меня вывел звонок от Иван-царевича — словно он почувствовал, что я думаю о нём.

Телефонный разговор затянулся. Иван-Царевич подробно рассказывал о мире мёртвых: с какими опасностями мы там можем столкнуться и — что важнее — как им противостоять.

Мы говорили по громкой связи. Рядом со мной сидела Маша и внимательно слушала, будто мысленно конспектировала каждое слово.

Но самое поразительное, что поведал Иван-Царевич, — уже две недели по нашему миру свободно разгуливают упыри и вурдалаки. Они нападают на людей, однако между ними есть существенная разница. Вурдалак боится света и бросается на жертв, словно шакал из подворотни. Упыри же бродят среди людей днём и ночью — их легко спутать с обычными прохожими.

Вечером я убедился в правдивости его слов. После встречи с Машей я направился домой и зашёл в магазин за продуктами. И вдруг — до боли в мозгу — захотелось коньяка. Давно не пил, а тут непреодолимо потянуло расслабиться...

Я стоял в алкогольном отделе, разглядывая бутылки. В этот момент в магазин вбежали двое упырей. Одеты как люди, но по глазам сразу понятно — не люди. Кожа у них была бледная, почти восковая, с неестественным сероватым отливом. В зрачках мерцал багровый отблеск, а уголки тонких

губ подрагивали, будто сдерживая звериный оскал. Они подскочили к кассиру, ударили её по лицу и потребовали выложить все деньги из кассы в сумку.

Я понимал: применять магию нельзя в переполненном магазине — могут пострадать невинные. Тогда я схватил бутылку и, предварительно наложив детское заклинание (тому меня учили ещё в школе), швырнул в упыря. Второй упырь заметил летящую бутылку, произнёс контрзаклинание — и она, не долетев, развернулась обратно. Я едва успел увернуться. Бутылка врезалась в стеллаж с коньяком — раздался грохот, и бутылки посыпались на пол.

Упыри переключились на меня. Воспользовавшись их замешательством, покупатели либо выбежали из магазина, либо спрятались под прилавками.

Я осознал: пора использовать сильную магию. Смело шагнул навстречу упырю. Тот ринулся на меня, но я вытянул ладонь — и он отлетел к стене. Я шёл вперёд, не чувствуя страха.

В этот момент один упырь обернулся волком — мускулистым, с длинной серой шерстью и оскаленной пастью, полной острых клыков. Второй превратился в свинью — массивную, с кривыми жёлтыми бивнями и маленькими злобными глазками. Они приготовились прыгнуть в окно. Я вскочил на того, что превратился в свинью, вцепился в уши. Руки заняты — магию не применить.

Мы носились по магазину, круша прилавки и рассыпая

продукты. Спустя какое-то время свинья выбилась из сил и рухнула на пол, вновь приняв человеческий облик. Её лицо было искажено злобой, а из уголка рта стекала тонкая струйка крови.

Второй, в обличье волка, замер. С одной стороны — готов к прыжку, с другой — колеблется. Я воспользовался его нерешительностью: вытянул руку, произнёс: «Гори!» — и он вспыхнул зелёным пламенем, обратившись в пепел.

Того, кто был свиньёй, я превратил в лягушку и засунул в гриль. Свинье — свинячья смерть.

После схватки с упырями я понял: Иван-Царевич прав. Нельзя терять ни минуты. Ещё утром я сомневался — стоит ли идти? Может, придумать что-нибудь: скажем, заболел простудой, у меня температура... Или, на худой конец, приезжает дальний родственник из-за границы, которого я не видел уже десять лет.

Но, наблюдая за разгромленным магазином, я стоял посреди зала, набрал номер Иван-Царевича и твёрдо дал ему согласие. Только одно я не понял: зачем упырям деньги? Может, по правилам их мира они должны просто купить гроб для сна? Магия не позволяет забирать кровать силой...

Мы с Машей собирались недолго. Оделись по-простому: кроссовки, джинсы, удобные кофты и плащи — на случай дождя. Я долго думал, брать с собой коньяк или нет. Потом решил оставить его дома и отпраздновать возвращение позже: полежать перед телевизором, посасывая дольку лимона, посыпанную сахаром, с чёрным молотым кофе. Отдохнуть и насладиться тишиной...

Маша на всякий случай прихватила несколько амулетов, которые предварительно зарядила. Но в том и проблема: хоть амулеты обладали сильным магическим свойством, их нужно было заряжать — как обычное устройство. А если в мире мёртвых нет зарядок? Что тогда делать?

Лёшему я отправил СМС, что еду, и попросил нас встретить.

Леший в ответ прислал:— Ок. Во сколько приезжает поезд?

Я набрал сообщение:— в 18.45. Надеюсь, погода не подведёт!

Леший откликнулся:— Всё ок, буду на месте. Если что — звони, не теряйся.

С Ладожского вокзала мы сели на поезд до Лодейного Поля. Ехали долго, молчали. Маша надела наушники и слушала песню Burito «Губами в губы и грести наверх». Я едва слышал её в тишине вагона, когда поезд остановился на полустанке.

«Губами в губы и грести наверх,
Мы с тобою одни, мы против всех,
И на два сердца — один кислород,
Рот в рот.»

Я смотрел на губы Маши в этот момент — какие же они у неё красивые...

В Лодейном Поле нас встретил Леший. Это был младший брат того Лешего, с которым мы встречались в Санкт-Петербурге.

Сначала он предстал перед нами как существо, неотделимое от леса: невысокий, коренастый, с кожей, словно покрытой мхом, и глазами цвета старой листвы. Его волосы напоминали спутанную поросль лесных трав, а в бороде то и де-

ло мелькали веточки и сухие листья. Одежда его сливалась с лесной палитрой, а шаги не тревожили ни единой веточки. В его глуховатом голосе слышался отдалённый шум ветра в кронах.

— Пройдёмте, — произнёс он. — Дорога дальняя, да и темнеет скоро.

Но стоило мне задуматься о его внешности, попытаться разглядеть черты лица, как облик лешего начал меняться. Мох на коже растаял, глаза утратили лесной оттенок, а волосы превратились в обычную тёмную шевелюру. Перед нами стоял молодой мужчина с правильными чертами лица, ничем не напоминавший лесного духа.

— Не пытайся уловить мою суть взглядом, — усмехнулся он, заметив моё замешательство. — Настоящий облик можно увидеть лишь тогда, когда перестанешь думать о том, как-то я на самом деле.

Мы сели в лошадиную повозку. Сначала ехали по шоссе: нас обгоняли большегрузы, мелькали легковые машины, явно нарушавшие скоростной режим. Потом свернули на лесную дорогу — куда-то в самую глушь.

Лес вокруг становился всё гуще. Могучие ели тянулись к небу, словно стражи, охраняющие тайные тропы. Между стволами клубился туман, а в воздухе витал запах сырости и прелой хвои. Солнечные лучи едва пробивались сквозь плотную крону, рисуя на земле причудливые узоры из света и тени. Порой казалось, что за нами следят — незримые глаза

леса наблюдали за каждым шагом.

Повозка медленно катилась по извилистой тропе, окружённой зарослями папоротника и колючего кустарника. Время от времени раздавался треск веток — то ли зверь пробирался сквозь чащу, то ли сам лес вздыхал, принимая нас в свои объятия.

Густой ельник сменялся берёзовыми рощами, где белые стволы словно светились в полумраке. Кое-где виднелись старые дубы с могучими ветвями, а между ними — заросли черники и брусники. Земля была укрыта мягким ковром мха, пружинящего под колёсами повозки. Вдалеке слышался стук дятла и щебетание невидимых птиц.

Наконец, мы выехали на небольшую поляну, посреди которой стояла землянка. Она была почти незаметна — крыша, покрытая дёрном и мхом, сливалась с окружающим ландшафтом. Лишь узкая деревянная дверь и крохотные окошки с резными ставнями указывали на то, что это жилище.

— Добро пожаловать, — сказал Леший, открывая дверь. — Здесь вы переночуете, а завтра — в путь.

Внутри землянка оказалась удивительно уютной. Стены были обшиты тёсаными досками, от которых шёл тёплый смолистый аромат. В углу стояла небольшая печь, уже источавшая приятное тепло. На полках вдоль стен располагались пучки сушёных трав, стеклянные банки с лесными дарами и странные предметы, напоминающие обереги. Мягкий свет лучины, зажжённой лешим, создавал ощущение защищён-

ности, будто сама земля укрывала нас от всех невзгод.

Леший накормил нас от души — тушёной зайчатиной с картошкой. Сказал, что картошку выращивал сам и вывел особый сорт: вкусная, ароматная, не боится вредителей и морозов.

— А заяц, — пояснил он, — попался в капканы. Какой-то человек поставил их и ушёл. Я обходил владения и обнаружил его. Понял, что заяц всё равно умрёт — либо от капкана, либо его съест хищник. Решил приготовить его на ужин... Хотя мне очень жалко всех живых лесных существ.

Утром мы проснулись. Леший накрыл на стол и настругал бутербродов. На чёрный ржаной хлеб он положил кусок вяленого мяса, лист салата и пару колечек малосольных огурчиков.

Кофе было растворимым. Маша вздохнула, заливая кофейные гранулы кипятком. Леший словно прочитал её мысли и, потупив взгляд, молвил:

— Ну, извини, красавица... Другого-то у меня не водится. Такова уж моя лесная доля — скромность да простота.

— Мне звонили, — продолжил он, переминаясь с ноги на ногу. Взгляд его невольно скользнул к спутниковому телефону, лежавшему на комод. — Поведали, какова цель вашего пути. Благородное дело затеяли, ничего не скажу...

Леший вздохнул, почесал затылок и добавил:

— Пошёл бы с вами, да не могу хозяйство покинуть. Стоит мне отвернуться — люди то пожар учинят, то свалку устроят. А кому с этим возиться? Сами-то они ни в зуб ногой.

После завтрака мы догло рассиживаться не стали. Быстро собрались и вышли из землянки. Леший указал на узкую тропинку, теряющуюся в чаще, и напутствовал:

— Вот вам путь к Бабе-яге. Ступайте с миром.

Мы постояли немного, обнялись. Никто из нас не знал,

свидимся ли вновь на обратном пути или навеки останемся
в мире мёртвых.

Глава2

1

Мы шли по дремучему лесу. Среди деревьев вела узкая тропинка, на которой сложно разойтись двум людям. Шагнёшь вправо — уткнёшься в кустарники, шагнёшь влево — можешь провалиться в топь. Потом всё менялось: справа — топь, а слева — стена из кустарников и деревьев.

Птицы вокруг пели странными голосами, совершенно нам незнакомыми. Не смотря на конец октября в воздухе роились комары и облепляли нас с головы до ног. Вздохнёшь — и комар обязательно окажется в носу. А глотнёшь воздух ртом — и полный рот комаров.

Шли мы несколько часов. Потом лес стал реже. Между деревьев виднелись кочки, покрытые мхом, и всё вокруг было усыпано клюквой.

Окружающий воздух заметно выделялся — он был насыщен кислородом и имел оттенок болотного газа, не сохраняя ни малейшего следа выхлопных газов или человеческого вмешательства.

Идти по тропинке стало комфортнее: ноги твёрдо стояли на земле, не проваливаясь в топь, а ветки не мешали движению плеч.

Шли мы ещё минут десять, от силы пятнадцать. Лес закончился, и перед нами оказалось болото. Недалеко от берега на металлических чёрных сваях стоял трёхэтажный терем. Из большой кирпичной трубы шёл густой дым. Несмотря на то что из воды то тут, то там прорывались пузырьки болотного газа, мы почувствовали аромат корицы и свежего хлеба с булочками.

— И что дальше делать? — спросил я Машу.

— Что? Что? Заклинание говорить! «Избушка, избушка, повернись ко мне передом, а к лесу задом!»

Не успела Маша произнести заклинание, как терем стал приподниматься над болотом, а две сваи превратились в куриные ноги. Дом медленно повернулся.

С скрежетом и грохотом поворотного механизма послышался хриплый женский голос:

— Гого, опять принесло! Говорил мне Леший: «Поднимай плату за приём в десять раз». Не послушала я его, и только в прошлом месяце в три раза подняла. Но всё равно ходят и ходят: кому погадай, кому зелье дай, а кого и приворожи...

Дом повернулся. На крыльце стояла Баба-яга и щурилась на нас. Правая грудь была закинута на левое плечо, а левая — на правое. Одна нога у неё была обычная, человеческая. А вторая — как у скелета, будто только что из могилы, где пролежала не одну сотню лет.

— О-о-о, Вовочка и Маша пожаловали! — проговорила Баба-яга, поправляя на голове растрёпанные волосы. — Я

пирожки пеку. Знала бы, что придёте, ещё бы и с мясом сделала...

Баба-яга хлопнула в ладоши. Над топью возник арочный мост.

— Проходите, гости дорогие, проходите!

Мы прошли по мосту и оказались на крыльце, потом прошли через сени и попали в большую комнату, чем-то напоминавшую мне бальный зал в царском дворце. Всё убранство было покрыто сусальным золотом. Золото слепило глаза: рамы, карнизы, даже ручки дверей — всё сияло, будто мы заморские послы, прибывшие воздать честь царю-батюшке.

Из зала мы шагнули в обеденный зал, который роскошью впечатлил меня не меньше. Везде стояли античные статуи, а стены были украшены картинами Шишкина.

— Присаживайтесь, сейчас чайник поставлю, — сказала Баба-яга, поправив одежды, и принялась накрывать на стол.

— Бабушка, а баньку не затопишь? — спросил я, пока Баба-яга выкладывала на стол угощения: пироги, запечённого осетра, чёрную икру, французский сыр с красной плесенью.

— А я-то думала, вы ко мне в гости... А вы, значит, хотите попросить меня провести вас в мир мёртвых... — протянула Баба-яга. — Растоплю, растоплю баньку. — Она задумалась, а потом продолжила: — Давно я не ходила к Смоудиной реке... Давно никто не чинил Калинов мост. Я дам вам живую воду — если что, она вам понадобится. Но вот боюсь я, что, пока вы будете в мире мёртвых, Калинов мост

совсем провалится. Уж больно он худой. И придётся вам там остаться навсегда.

Мы проснулись рано утром — от чихающего мотора ступы. Баба-яга дёргала шнур, но, как ни пыталась завести двигатель, тот лишь фыркал и чихал, а работать не хотел.

Я оделся и вышел из спальни. Спустился на первый этаж. Маша уже варила кофе в турке. Посмотрела на меня и говорит:

— Если ступа не заведётся, придётся идти пешком.

Я вышел на улицу, подошёл к Бабе-яге. Дёрнул шнур несколько раз — ступа всё так же чихала. Тогда я открыл дверцу двигателя, поправил шланги, отрегулировал подачу бензина. Один раз дёрнули за шнур — и ступа завелась.

Баба-яга села в ступу и сделала несколько кругов вокруг терема.

— Готовы? — крикнула она.

— Сейчас кофе допьём — и будем готовы, — ответил я и пошёл в терем завтракать.

До Смородиной реки мы летели в ступе минут пять. Ещё на подлёте я заметил: вода не такая, как у обычных рек. Чёрная, маслянистая. А когда приблизились, увидели и недогнившие кости на берегу, и тяжёлый пар с ароматом тухлого мяса, поднимающийся над поверхностью. «Смородина», — без слов понял я.

Калинов мост произвел гнетущее впечатление. Он тянул-

ся над рекой, как позвоночник мёртвого динозавра. Ржавые тросы свисали лохмотьями, местами порванные, будто их грызли зубами. Доски настила покрылись грибком и плесенью, а в трещинах копошились насекомые, похожие на чёрных муравьёв. При каждом легком дуновении ветерка мост вздрагивал, издавая звук, от которого кровь стыла в жилах — будто кто-то стонал в агонии.

С другого берега прилетел Змей Горыныч и уселся на середине Калинова моста — словно вставленный в раму из ржавых цепей и прогнивших досок. Он не лежал, не сидел — он вращался из самого моста, будто порождение этого места, его страж и его кара.

Три головы на длинных, гибких шеях поворачивались независимо друг от друга, сканируя пространство. Левая — с узкими, как у ящерицы, зрачками — смотрела на нас не мигая. Правая — с пылающими янтарными глазами — время от времени выпускала клубы едкого дыма. А средняя, самая крупная, медленно раскрывала пасть, обнажая ряды острых, как кинжалы, зубов; оттуда доносилось глухое, вибрирующее шипение, от которого дрожали доски под ногами.

Чешуя на теле отливала всеми оттенками огня: от тускло-багрового у брюха до ослепительно-оранжевого на хребте. Каждая чешуйка была размером с ладонь, с зазубренными краями. При малейшем движении Змея они терлись друг о друга, издавая звук, похожий на скрежет металла по камню.

Но самое поразительное — его крылья. Они не были перьевыми, как у птицы, и не перепончатыми, как у летучей мыши. Это были пламенные крылья — словно из раскалённого воздуха, из вихря огня, принявшего форму огромных,

трепещущих лопастей. Когда Змей слегка взмахнул ими, по мосту прокатилась волна жара, а тени вокруг нас затрепетали, будто живые.

Лапы — массивные, с чёрными, изогнутыми когтями — вцепились в доски моста так, что дерево трещало и крошилось. Хвост, длинный и гибкий, обвивал одну из опор моста, время от времени ударяя по ней с глухим стуком, от которого мост вздрагивал.

Из ноздрей Змея вырывались тонкие струйки пламени. А когда он глубоко вдохнул, в его глотке вспыхнул багровый свет, и воздух наполнился запахом серы и раскалённого железа.

Баба-яга, стоя чуть позади нас, тихо произнесла:

— Сейчас договорюсь с ним, чтобы пропустил вас на другой берег. Он всё сильнее и сильнее нагнет... Раньше переводил за бутылку водки, а теперь ему деньги подавай.

Баба-яга махнула рукой — и Змей Горыныч плавно полетел к нам, рассекая воздух пламенными крыльями. Каждый взмах окутывал мост волной жара, а тени вокруг затрепетали, будто пытаясь укрыться от нестерпимого зноя.

Не теряя хладнокровия, Баба-яга достала из кармана потрепанный конверт. Движения её были размеренными, почти ритуальными — словно она совершала древний обряд подношения. Она вытянула руку вперёд, и конверт повисел мгновение в воздухе, прежде чем Змей Горыныч осторожно, почти деликатно, подхватил его когтистой лапой.

Чешуйчатые пальцы с чёрными изогнутыми когтями сомкнулись вокруг бумаги. Конверт едва не задымился от жара, исходящего от тела чудовища. Змей медленно поднёс его к средней голове. Пасть приоткрылась, обнажив ряды кинжалоподобных зубов, и между ними проскользнул раздвоенный язык — он коснулся конверта, словно пробуя на вкус.

Наступила тишина. Даже ручей внизу, казалось, перестал журчать, затаив дыхание.

Змей Горыныч кивнул — все три головы одновременно склонились, а затем вновь выпрямились. Его глаза — холодные, пылающие, пронизательные — поочередно остановились на каждом из нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.